

ЧЕСТВОВАНИЕ ПАМЯТИ А.Г. РУБИНШТЕЙНА

«Никому в стенах этого здания не может и не будет подобать большая дань уважения и благодарной памяти, чем А.Г. Рубинштейну».

(Из речи Э.Д. Плеске на открытии статуи Рубинштейна.)
13 лет тому в эти же ноябрьские дни яркой полосой прошло торжественное празднование великого артиста. Я хорошо помню эти дни — это было время горячих юношеских увлечений искусством. Хорошо помню я и Рубинштейна, очутившись перед ним в первом юбилейном концерте; помню и Чайковского, управляющего музыкальной частью торжества. Чудные, светлые дни! Великий художник не был задавлен громадными задачами: он остался тем же прекрасным, добродушным, ласковым человеком, каким всегда был. Войдя в «свою» ложу под бурю рукоплесканий, он также спокойно уселся, откинувшись к колонне (помню он добродушно рассмеялся, разглядев огромный бюст, украшавший задний план эстрады: «Все хорошо, вот только бюст этот смущает меня»), точно это было обычное симфоническое собрание. Помню, как он прекрасно сыграл свой «Концертштюк», а по окончании программы, усевшись за рояль, окруженный громадной толпой поклонников, и сыграв уже чуть ли не десяток №№, на просьбу сыграть какую-то пьесу — также добродушно улыбнувшись, заявил, «забыл...». А как он играл тогда и еще несколько лет спустя! Его исполнение подымало мощную высоту — там их сердца бились, душа волновалась как в волшебном сне. Ни один артист не играл так Бетховена и Шопена. У некоторых крупнейших пианистов (д'Альберг, Гофман) техника может быть «рубинштейновская» — но захватывающего «героического» духа Рубинштейна быть не может...

Через 13 лет я присутствовал на другом торжественном, но посвященном уже памяти великого артиста собрании: 14 ноября в здании консерватории состоялось торжество открытия статуи великого музыкального просветителя России, а через два дня — «рубинштейновский концерт». Это торжество явилось кстатипротеку всего восемь лет со дня его кончины, и каждый год все более и более доказывал справедливость горькой, обидной поговорки — «с глаз долой — из сердца прочь» — наследовавшее Рубинштейну поколение доказало свою искреннейшую, неблагодарность. В новом здании консерватории свили себе гнезда новые птицы — песни их не напоминают о былом богатыре, о бывших крупнейших заслугах последнего. Лишь в сердцах немногих жила любовь к этому богатырю, лишь немногие сознавали и заявляли о всей несправедливости, которой уступили место прежние восторги и поклонения. Новые люди точ-

но хотели заставить забыть Рубинштейна, ибо то, что они делали в память его, было недостойно последней. Вот почему торжество 14 ноября имеет важное значение, а приведенные выше слова официального представителя комиссии, заведовавшей постановкой статуи, — знаменательны.

В половине третьего дня в перистиле Большого зала консерватории собрались все представители нашего музыкального мира вокруг закрытой статуи, возвышавшейся на фоне тропических растений; на хорах, окружающих лестницу, поместились учащиеся в консерватории (внизу помещался и хор); в боковом фойе — оркестр учащихся. По прибытии августейшего Вице-председателя Имперского Русского Музыкального Общества Великого Князя Константина Константиновича началась лития. Отмечу превосходное пение хора учащихся под управлением г. Сафонова. Во время пения «вечной памяти» спал покров со статуи. Последняя изваяна скульптором Л. Бернштаммом; по художественным своим достоинствам, однако, она не превышает архаичные статуи — ни добродушия Рубинштейна в общезнании, ни вдохновения его как артиста — она не передает. В выражении Антона Рубинштейна было более жизни, более сердечности, нежели той утомленности, которая характеризует статую <...>

Во главе программы «рубинштейновского» концерта, данного в том же зале 16 ноября (день рождения А.Г.), стояла его «духовная опера» — «Вавилонское столпотворение»; она же стояла и во главе второго юбилейного концерта — 13 лет тому назад, когда ею дирижировал покойный П.И. Чайковский. Состав хора был тогда поистине великолепный — в него вошло 5 хоро-вых обществ и два частных хора

(в том числе г. Архангельского); репетиции шли в одном из залов тогдашнего Михайловского дворца (ныне музей Императора Александра III). Чайковский страшно волновался, краснел, кипятился — и во многом напрасно — не прирожденный дирижер, ему еще большого труда представляло управлять огромной массой в 300 человек, тем более, что каждое хоровое общество разучивало сначала ораторию отдельно, и дирижеру пришлось на первых порах спаивать и выравнивать общий ансамбль. Но, конечно, исполнители были опытные и все ансамбли, в которых и лежит вся красота и сила «Вавилонского столпотворения», прошли в общем прекрасно. Впечатление от духовной оперы Рубинштейна получилось сильное. Но еще лучше и прекраснее показалось это произведение через 21/2 месяца в концерте Патриотического Общества (4 февраля 1890 г.) под управлением самого гениального автора. В тот раз я убедился, что Рубинштейн не только гениальный пианист, но и превосходный дирижер. Наиболее характерной чертой его дирижирования было вдохновение; он не разбирался в мелочах, не отделял деталей; он постигал дух произведения, а это случалось чаще всего в творениях наиболее любимых им мастеров, главным образом Бетховена... Не стану сравнивать то исполнение с нынешним выполнением соединенными ученическими силами здешней и московской консерваторий под управлением В.И. Сафонова. Хоры и оркестр учащихся не могут сравниться с специальными хорами и оркестром, но ансамбль в концерте был хороший. В общем «Столпотворение» прошло гладко, иногда с хорошей шлифовкой, хотя чувствовался недостаток репетиций (московские консерватористы приехали только накануне концерта утром; прямо с дороги их отправили в Александрово-Невскую Лавру петь панихиду на могиле А.Г., после чего, опять-таки не дав отдохнуть, устроили репетицию; генеральная была в субботу утром. Не следует забывать, что в 1889 г. «хоры» готовились за несколько месяцев.), наконец, теперь усталой молодежи было, вероятно, далеко до того увлечения, которое чувствовалось в хорах 1899 г., собиравшихся чествовать гениального художника.

«Вавилонское столпотворение» является лучшей духовной оперой Рубинштейна. Она менее сценична, нежели «Суламифь» или «Моисей», она вполне подходит к типу обычных ораторий, но за то обладает крупнейшими художественными достоинствами. Сила и красота оперы лежит в ее хорах, они почти все без исключения написаны чрезвычайно жизненно, колоритно, широко и красивым рубинштейновским размахом...

С меньшим ансамблем прошли увертюра «Антоний и Клеопатра» и симфоническая картина «Дон-Кихот» — ученический оркестр не в силах был передать художественной стройности и изящества первой и характерность второй. В начале концерта хор (a cappella) повторил прекрасный Гимн Лядова, а оркестр исполнил «Похоронный марш» из героической симфонии Бетховена.

Под звуки такого марша и должны были хоронить Рубинштейна, но после него требовался бетховенский финал, а не то постепенное затишье и пренебрежение памяти Рубинштейна, которое можно было наблюдать в эти 8 лет.

Дай Бог, чтобы статуя Рубинштейна теперь чаще напоминала о том значении, которое заработал себе великий художник, и о той благодарности, которая всегда должна жить в сердцах

русских музыкантов по отношению к этому художнику, ибо «никому в стенах этого здания — а это здание не только консерватория, а крупная часть нашего музыкального мира — не может и не будет подобать большая дань уважения и благодарной памяти, чем А.Г. Рубинштейну»...

Ник[олай] Ф[индейзен]

Рос. муз. газ. — 1911 г. — 8